

Тайны провинции Киттери

Автор:

[Анита Мур](#)

Тайны провинции Киттери

Анита Мур

Я оборотень. Была им до недавнего времени. Могу ли я по-прежнему считать себя Двуликой, потеряв ипостась? Способна ли на полноценную жизнь, или моя судьба – быстро сгореть от тоски по утерянному зверю? Вселенная сделает все, чтобы не дать мне впасть в депрессию. Начиная с занудного, но очень привлекательного вампира-начальника, до массового наплыва кладоискателей в наш маленький провинциальный городок, и любимой семейки, жаждущей помочь мне пережить стресс любимыми, самыми экстренными методами.

Анита Мур

Тайны провинции Киттери

Глава 1

Родной город принял меня недружелюбно.

«Зачем приехала?» – вопрошал пустой перрон.

«Жили без тебя все эти годы, и дальше проживем». – стучал по козырьку вокзала дождь.

Крохотная станция, на которой умещался тот козырёк шагов в десять длиной, три скамейки да будка билетера, закрытая ввиду позднего времени, была построена лет пять назад. Когда я отсюда уезжала, пришлось садиться на попутную повозку и трястись три часа до Сет-Ривера.

Прогресс потихоньку доползал даже до такой глуши, как наш Киттери.

Меня никто не встречал, но как раз это было неудивительно. Мои родные еще не в курсе произошедшего со мной, и полагают, что я храбро служу на благо родине в Лоусоне.

Служила.

А теперь вот. На почетной пенсии.

Я потянула носом влажный, горьковатый запах дождя. Надолго зарядил, стемнеть успеет. Раньше по запаху капель я бы определила, откуда пришла туча, и примерную кислотность окружающих болот. Увы, мой чуткий нюх остался в прошлом.

Там же, где и служба.

Зонтик, понятное дело, обнаружился на самом дне саквояжа. Пришлось перевернуть тщательно уложенное белье, сверкнув потайными кружевами перед любопытно косившим глазом дежурным по станции.

– Если мисс нужен экипаж, могу послать сигнал на дилижансовую станцию. – благообразный, довольно крепкий для своего возраста старичок гордо кивнул на новейшую разработку артефакторов – многоцелевое переговорное устройство. Заряда хватало ненадолго, сеансов на пять, так что предложение было весьма щедрое.

– Нет-нет. – я поспешно покачала головой. Мой кузен работал в той самой транспортной компании, по последним сведениям из родительского письма – большой шишкой, диспетчером. Шансы на то, что именно он примет заказ, слишком велики.

Не хватало еще, чтобы маменька узнала о моем приезде таким своеобразным образом. Одно дело, если я постучусь в двери отчего дома. Сюрприз! Ура!

И совсем другое – девочка, бедняжка, застряла на станции, и никто ее не встретил! Ужас-кошмар, на что нам столько мужчин в доме.

Начинать визит в родное гнездо с укоризненных взглядов отца и братьев не хотелось категорически, ибо маменьке плевать будет на логику и доводы рассудка. «Ну и что, не известила. Вы должны были знать заранее, вы же мужчины!». И неделю без ее фирменного мясного пирога.

К подобным жертвам я не готова.

Так что поплотнее утрамбовав уже не очень аккуратные стопки одежды, защелкнула замки саквояжа, зонт хлопнул, раскрываясь, и я храбро ступила на размякшую дорогу.

Тут идти-то полторы улицы.

Раньше я бы и не вспомнила про зонт. Что там, я бы его и в багаж не положила. Обернулась бы, саквояж в зубы, и бегом, по лужам. Но увы – потеря зверя выливается в непоправимый ущерб здоровью, в том числе и сопротивляемости обыкновенным простудам. Так что – высокие сапоги, зонт и обязательно шарф.

Маменька будет довольна. Наконец-то я следую ее рекомендациям.

Сапоги весело чавкали по проселочным лужам. Иногда мне мерещилось эхо шагов, я трясла головой, отгоняя посторонние звуки, и внимательно следила за тем, куда ставлю ноги. Тяжелый саквояж пришлось нести на весу, колесишки моментально увязли бы в весенней грязище, а силушка у меня теперь не та. Да и слух подводит.

Замерев на краю особо глубокого и широкого разлива, я задумалась, как его обходить. По обеим сторонам проход перекрывали заборы частных домов.

Как ни смешно, наш городок последнее время облюбовали богатые любители влажности.оборотни-рептилоиды живут долго, и богатства скапливают

старательно. Практически как легендарные драконы. А на местных болотах нашли лечебные грязи, которые прямо чудеса творят с кожей – как лица, так и чешуйчатой ипостаси. И глубокое захолустье, пригород пригорода, за пару лет превратился в изысканный курортный уголок для избранных.

Побочным эффектом стали выраставшие как грибы во всех уголках посёлка особняки и виллы. Участок-то им выделяли стандартный, а вот застройка шла как придётся, кроме того, любители приватности повадились отгораживаться от остальных жителей каменной, или хоть деревянной стеной в полтора человеческих роста.

Вот между двумя такими новостроями я и застряла.

Лучше бы вместо забора дорогу нормальную проложили.

Я примерилась каблуком к луже, с трудом выдернула его обратно. Лучше не рисковать.

Аккуратно, прижимаясь спиной к забору, я пробралась на другую сторону грязевого озера.

Тут-то я его и заметила.

Фигура была явно мужской. Широкие плечи обтянуты тонкой, водонепроницаемой курткой, на лицо надвинут капюшон. Узкие бёдра, и без того обтянутые брюками, сейчас выглядели просто неприлично, ибо ткань намокла, и обрисовывала все, что можно и особенно то, что нельзя. Даже я с моим ущербным зрением все прекрасно рассмотрела.

Неплохой экземпляр.

Сапоги выше колена позволяли мужчине хлюпать прямо вперед, не замечая луж.

От всей фигуры веяло неясной угрозой. Задерживаться и выяснять, как он будет преодолевать разлив, не хотелось, так что я поспешила дальше.

Мужчина не отставал.

Несмотря на то, что время было еще довольно раннее, даже стемнеть не успело, улица была абсолютно пуста. Никого, кроме меня, и дышащего мне в спину преследователя.

Я свернула на боковую улицу. Еще домов десять, и можно начинать орать. Маменька мой голос из миллионов узнает, выскочит – маньяку мало не покажется.

Хлюпающие, уверенные шаги раздавались все ближе. Мужчина целенаправленно меня догонял.

Да что я, в самом деле, как маленькая. То, что у меня теперь нету зверя, не значит, что я стала такой уж безобидной барышней.

Я развернулась и уперлась кулаками в бока. Когда мама принимала эту позу, папа сжимался и шёл на попятный. Мой преследователь, похоже, с моей мамой знаком не был, потому что даже не притормозил, и чуть не столкнулся со мной нос к носу.

– Почему вы за мной идёте? Имейте в виду, я бывший полицейский. Взять с меня особо нечего, а вот огрести можно запросто.

Наглец приподнял край капюшона, изображая куртуазное приветствие, и смерил с высоты своего роста все мои грозные полтора метра. Лица я все равно не разглядела толком. Проклятое ухудшенное зрение, да и сумерки уже наступили.

– Счастлив слышать, что наши доблестные правоохранительные органы пересмотрели прискорбную шовинистическую политику, и начали принимать в свои ряды очаровательных девушек. – протянул преследователь чуть издевательски, но прибавил скорости изложения, заметив мой потемневший взгляд. – И хочу уточнить, что я совершенно не иду за вами, а всего лишь пытаюсь попасть домой.

Последние слова он протараторил скороговоркой, осторожно, стараясь не делать резких движений, указывая на темно-зелёный дом с черепичной крышей в конце улицы.

Я медленно, все еще настороже, опустила руки. С достоинством подобрала зонтик с саквояжа, и сам саквояж, который на время разборки поставила на чудом попавшийся каменный островок, развернулась и молча двинулась в прежнем направлении. Было несколько неловко, но извиняться я никогда не умела и не любила, зато прекрасно делала вид, что ничего не было.

Это у нас, опять же, семейное.

Уже занеся руку, чтобы постучать в родные ворота, я на всякий случай обернулась. Сосед и в самом деле оказался соседом. Поковырялся ключом в пудовом замке, просочился в приоткрытую калитку, и был таков.

А я тут мокну.

Я решительно забарабанила в толстые деревянные створки.

– Открывайте! Заснули там, что ли? – проорала для убедительности. На крыльцо, видневшееся в прорехе между досками, выскочил старший брат, на ходу утиравший рот рукавом, а в другой руке сжимавший ружье.

Сурово они тут, в глубинке, к вечерним гостям относятся. Раньше было как-то погостеприимнее.

– Кахайя! Вот сюрприз-то! Мам, Кахи приехала! – проорал братец куда-то в глубину дома, спрыгивая с крыльца прямо через ступеньки. – Что ж ты стоишь-то, мокнешь. Сейчас, сейчас.

Он возился с засовом, приговаривая себе под нос нечто нечленораздельное, а я тихо улыбалась, не обращая внимания на стекающие на нос с волос капли.

Все же хорошо снова оказаться дома.

– Зря ты приехала. – огорошила меня с порога маменька.

Ну, не совсем с порога. С порога меня заобнимали, затискали, отправили мыться-переодеваться. Мою старую комнату не трогали, и на глаза снова навернулись ностальгические слезы.

Я перевернула саквояж, достала три склянки с разноцветными пилюлями и бутылочку. К бутылочке приложилась сразу, сделав хороший глоток. Избыточная чувствительность, побочный эффект от потери зверя. Так и до истерики недалеко.

А мы, Эукари, хоть и вспыльчивые, но не истеричные.

Вещей в саквояже было немного, но разобрать я их решила сразу. Пока не помялись. Шкаф был полон моих старых вещей, в добрых две трети из которых я уже не влезу. Плечи за годы тренировок раздались вширь, как, впрочем, и попа. Хотя тут уж не тренировки виноваты, а моя любовь к выпечке.

Одежда быстро распределилась по полкам, лекарства я убрала в шкафчик над умывальником. Туда мама не полезет.

У нас еще с моего совершеннолетия уговор, чтобы избежать обоюдной неловкости. Мало ли, какие у девочки бывают личные вещи. Именно в этом шкафчике я прятала сначала гормональные таблетки от гона, потом записку на билет до Лоусона.

Так вот, пока я не спустилась и не села за общий стол, где семья уже баловалась десертом, а для меня специально быстро разогрели остатки трапезы, занявшие примерно полстола, все было мило и по-семейному. Но как только я положила в рот первую ложку таявшего во рту лукового супа, маменька выдала сию неоднозначную фразу.

Я аж подавилась.

Гунтур, сидевший слева от меня, радостно врезал мне между лопаток.

Ну, он всегда рад кому-либо врезать.

Маменька моя, Мелати Эукари, известна тем, что за своих детей готова порвать кого угодно. Отчасти, поэтому моих братьев не выгнали из первого же класса колледжа, позволили доучиться и даже диплом выдали. Боялись реакции нашего матриарха.

Я-то сама выучилась. И даже в Лоусон уехала, не побоявшись скандала.

И уж никак не ожидала, что скандал случится как раз из-за моего возвращения.

- Ты не подумай, доченька. Мы счастливы, что ты наконец дома. - зачастил отец, видя, как вытягивается мое лицо от такой любезной встречи. - Просто в Киттери последнее время небезопасно. Особенно...таким, как ты.

Вместо того, чтобы успокоить меня, эта тирада разозлила еще больше.

- Таким, как я? - обманчиво-спокойно уточнила я.

- Ты ведь потеряла зверя? Потому и вернулась. - констатировала маменька.

Такта в нашей семье ни на грош. Я уже говорила?

Суп внезапно потерял всякую привлекательность. Я положила ложку обратно в тарелку.

- Да, я вернулась провести остаток жизни со своей семьей. - спокойно отчеканила я. - Если это кого-то не устраивает, лучше скажите сейчас. Поезда ходят ежедневно.

- Доченька, ты меня не так поняла. - вздохнула мама, с сочувствием глядя на меня. Мне будто нож под дых воткнули, и медленно проворачивали. - Живи с нами, сколько хочешь, никто не против. Просто момент ты выбрала не самый удачный. Непокойно у нас тут. Люди пропадают.

- Я не выбирала момент. - рявкнула я, комкая салфетку на коленях. - Оно, знаете ли, само получилось. Спасибо за обед, все было вкусно.

Оставив мятый шар, в который превратилась крахмаленная ткань, около тарелки, я выскочила из-за стола.

Железное правило, вбитое в меня еще прабабушкой.

Сначала поблагодари за еду, потом вставай.

Оглушающе хлопнула дверь моей комнаты, отсекая меня от родных.

Да, перепады настроения – страшное зло.

– Ты бы как-то помягче, что ли. Пожалела бы девочку, ей и так уже досталось. – тихо произнёс отец. Мне прекрасно было все слышно благодаря дырке в полу, проковырянной еще в далеком детстве. Хуже, чем когда я была полноценным оборотнем, но все же вполне отчетливо.

– У нас тут еще тот гадючник, сам знаешь. – отрезала мать семейства. – Никто ее не пожалеет, пусть готовится.

В этом вся маменька. Бей сама, чтобы закалить, тогда другим не удастся задеть чувствительные места. Там уже нарастет защитный слой толстой кожи.

Люблю ее безмерно, но иногда она меня все же бесит.

Вот, например, сегодня.

Голодной я не осталась. Через полчаса ко мне постучался Харт, младшенький. Сунул в руки свернутый невнятным узлом бутерброд, и просочился в комнату, пока мое внимание было отвлечено. Готовить мелкий не умел совершенно, но мясо с хлебом испортить сложно.

– Ну, рассказывай. – потребовал брат, устраиваясь с ногами на кровати. Хорошо, хоть обувь снял.

Я вгрызлась в свежий, еще тёплый хлеб.

– Что тебе рассказывать? Как меня убили? Мал ты еще. – беззлобно огрызнулась я, прожевав половину добычи. Харт насупился, чем окончательно выдал свой возраст. Так-то ему уже двадцать, выше отца вымахал, а как надуется – натуральный подросток. И реакции еще детские.

– Отдавай еду тогда! Зря добывал, рисковал, что ли? – братец шутливо бросился на меня, пытаюсь отнять остатки мяса. Раньше бы я запросто увернулась, и щелкнула его по носу. К чему он не был готов, так это к моему тяжелому падению на спину. Харт едва успел подставить руки, чтобы не придавить меня всей тушей.

Остаток бутерброда я, однако, не выпустила. И поспешно запихала его целиком в рот.

– Прости. – вечно шутливый и игривый, братец посуровел и осторожно сполз с меня.

Вот этого я опасалась больше всего. Сейчас со мной начнут обращаться, как с хрустальной вазой, а в итоге поставят на полку, оградят стеклом и будут периодически сдувать пылинки.

Ну уж нет.

Я сдернула с кресла округлую вышитую подушечку и от души огрела Харта по дурной голове.

– То, что я лишилась зверя, не помешает мне надрать тебе задницу. – фыркнула я, потому что он не успел увернуться. Зато своими длинными ручищами дотянулся до подушки на кровати, а она побольше будет. Нечестно. Поэтому я стянула с кресла вторую, и перешла в наступление.

Зашедшему проведать меня и вытереть горячие слезки отцу пришлось нас разнимать.

Все, как в старые добрые времена.

Будто и не уезжала.

На ночь меня все оставили в покое. Поплакать, наверное, себя пожалеть. Ну, как бы поступила нормальная девушка на моем месте. Лично я прохрапела до самого рассвета, а на заре засобиралась. Дома оставаться не хотелось. Маменька раз уж вбила себе в голову светлую мысль, что меня надо потренировать перед встречей с местными кумушками, так и будет поливать шпильками кстати и некстати.

А у меня нервы и таблетки.

Так что лучше я тихонько отсижусь в каком-нибудь спокойном месте пару дней. А там и на работу выйду.

Мое рекомендательное письмо лежало во внутреннем кармане пальто. Чисто на всякий случай, дубликат уже давно почтой выслали в центральный полицейский участок Киттери. Пощупав приятно захрустевший конверт, я щелкнула шпингалетом и потянула раму наверх.

На кухне сейчас волшебствует маменька, и мимо неё проскочить на выход никак не получится. Придётся выбиратья, как в детстве.

Еще до первого оборота.

Второй этаж – не так уж и высоко, особенно если знать, как приземляться. Я мягко спружинила ногами, опершись на одну руку, и воровато оглянулась на приоткрытую заднюю дверь. Бренчание посуды не прекращалось, значит, не заметили. Теперь быстро-быстро за калитку.

Самое спокойное место в нашем городке, понятное дело, на кладбище.

Погода, в отличие от вчерашнего дня, стояла прекрасная. Солнышко ярко светило, выпаривая лужи буквально на глазах. До лета оставались считанные недели, но природа никак не могла определиться, чего ей больше хочется, обратно в зиму или все же вперед, в жару. Поэтому мерзкие, промозглые дожди чередовались с практически визийским зноем.

Я чуть ли не вприпрыжку скакала по островкам сухой дороги, пробираясь к окраине города.

Кладбище строили на небольшом холме, единственном на многие мили вокруг. Каскад белых надгробий и статуй, ухоженные деревья, кусты, и поднесённые на могилу венки, составляли умиротворяющую композицию, которая по праву считалась одной из достопримечательностей Киттери.

Помимо лечебных грязей и бескрайних болот.

Кроме того, на холме почва была куда устойчивее к вымыванию.

Когда город только основали, умерших хоронили на другой стороне, в болотистой местности.

А что, удобно. Бросил, чавк, и нету.

Но после того, как несколько свежезахороненных трупов нашли в колодцах, жители зароптали. Оказалось, болота питают подземные реки, от которых, в свою очередь, берут воду выкопанные по всему городку колодезные шахты. Так что пришлось спешно искать новое место для погребения.

За прошедшие столетия холм разросся. Плотную, глинистую почву везли со всей округи, обязав каждую семью вместе с телом приносить на могилу свою собственную землю. Чем больше народу на похоронах – тем дешевле получалось, потому что объём земли был установлен законом, и за недостающие фунты приходилось доплачивать. Поэтому похороны в Киттери – явление массовое.

Минимум собирается пара сотен человек.

Запросто, кстати, городок маленький, все друг друга знают.

Каждый бросает по горсти земли – и холмик над гробом готов. А то, что выкопали, пока готовили яму – идёт на формирование новых территорий для захоронения.

Эдакая восполняющаяся экосистема.

Я присела на лавочку рядом с нашим фамильным склепом. Немногие семьи удаивались высокой, и что скрывать – недешевой чести владеть собственной усыпальницей. Все-таки постройка целого здания требовала немалого капиталовложения в плане компенсации земель.

Склеп был небольшой, но уютный, если это слово применимо в данной ситуации. Округлая беседка, застекленная витражами, скрывала резко уходящую вниз винтовую лестницу. Где-то там, в глубине, рядом с прочими предками лежала моя прабабушка. Батари Эукари была человеком. Но обычным человеком ее не повернулся бы назвать ни один язык. Магом она была слабым, зато дух в ней был силён настолько, что позволил пережить даже оборотня-прадеда.

Все в семье считали, что это не дух, а банальная упёртость.

А еще, что я пошла этим качеством именно в Батари.

Я протянула руку в сторону и провела по холодной мраморной стене. Тревожить покой мёртвых из-за глупой прихоти не хотелось.

Вот на Самайн обязательно спустимся в темное, сыроватое подземелье. Всем кланом.

А пока дам знать прабабушке, что я вернулась, прямо отсюда.

– Я скучала. – озвучила я чистую правду.

Несмотря на бурную жизнь в Лоусоне, полную расследований, предательств и интриг, множество новых друзей и еще больше врагов, я часто вспоминала наше родное болото. Тихое, мирное.

Скучное.

Но такое привычное и родное.

Взгляд скользил по изученным наизусть земляным холмикам, ровным рядам надгробий и статуй.

Что-то выбивалось из общей идиллической картины. Только вот не могу понять, что.

Вот оно.

Три надгробия с краю как-то странно перекошены.

Неужели болото снова подобралось? Такие случаи бывали, но вовремя пресекались кладбищенскими смотрителями. Только на моей памяти три раза приходилось заново огораживать территорию, укреплять камнями склоны и хоронить заново вымытые тела.

Прищурившись и очередной раз помянув недобрым словом того дурня-атрефактора, из-за которого я осталась без зверя, я поднялась с лавочки и двинулась в сторону накренившихся мраморных плит.

Старые, покрытые густым слоем мха и выщербленные природой, старые надгробия всегда держали ровный строй. За этим рьяно следили смотрители. Растительность они считали за некое украшение, и не очищали, зато если вдруг что-то шаталось или выворачивалось из положенного места – тут же укрепляли и вкапывали обратно.

Погребённые под ними оборотни – не Эукари, но тоже древнего рода – умерли больше пятисот лет назад. Семейные усыпальницы начали строить всего лет четырёхста как, и многие поленились переносить старые могилы на новое место.

Я осторожно, чтобы не потревожить и без того местами ободранный мох, провела пальцами по полустертым надписям.

Земля у подножия камней, влажная и будто свежевскопанная, осыпалась в сторону ограждения. Неужели недавним дождем подмыло?

Надо будет сказать смотрителям.

Любопытство – еще одна неотъемлемая характеристика нашей семьи. Поэтому я пересилила себя и все же спустилась к ужину.

Да и на одной сдобе сидеть надоело. Так свои собственные булки наешь сверх меры, а у меня там и так...проблемная зона.

– Я сегодня была на кладбище. – огорошила я семейство. Лучше сразу, без прелюдий. А то если маменька слово возьмёт – его уже не отберёшь.

Семейство, впрочем, не сильно огорошилось. Наш фамильный склеп, особенно после того, как умерла прабабушка, стал моим любимым местом уединения. Я там пряталась от надоевших приставал-братьев, потом и от не менее надоевших приставал-поклонников.

Породниться с кланом Эукари всегда было множество желающих.

– И как? Успокоилась? – невозмутимо поинтересовался отец, набирая на вилку верткий горошек.

– Не очень. – честно призналась я. – Даже наоборот. Похоже, одну сторону начало подмывать, а наши службы ни слухом, ни духом. Надо бы им жалобу написать.

И выжидательно уставилась на маменьку. Жалобы – это по ее части. Ее хлебом не корми, дай на кого кляuzu составить. Но исключительно по делу.

Пустых разборок Мелати не любила. А вот наведение справедливости и учинение порядка – это по ее части.

На удивление, маменька не послала одного из братьев за бумагой, а тяжело вздохнула.

Это что-то новенькое.

– Вот поэтому я предпочла бы, чтобы ты сидела дальше в своём Лоусоне. Здесь такие ужасы творятся...

Не поняла. То есть, в столице с ежедневными заговорами и взрывами – безопаснее, чем на нашем болоте? Это что же здесь происходит такое?

– На нашем кладбище уже полгода что-то ищут. – прошипел загадочным тоном Харт. Гунтур демонстративно закатил глаза и отложил вилку.

– А можно мы это обсудим после еды? – предложил он.

Мы с мелким дружно пожали плечами.

– Ты уже доел.

– А десерт?

– Тихо!

Вот как отец это делает? Вроде голос не повышал, а за столом тишина, даже муха ранняя притихла за занавеской.

– Кахайя, ты должна мне прямо сейчас пообещать, что не полезешь расследовать это дело. Да и дела там никакого нет, просто какие-то залетные гробокопатели вообразили себя кладоискателями.

Так.

То есть кто-то раскапывает наше кладбище?

Несуществующие чешуйки на моем заливке встали дыбом.

Что-что, а смерть для Эукари была священной. И потревожить в последнем пристанище предков – самое страшное для нас оскорбление.

– Ничего обещать не могу. По одной простой причине.

Вот как чувствовала. Взяла с собой на мирный семейный ужин рекомендательное письмо на будущую работу.

Пригодилось.

Развернув сложенное в три раза письмо, я продемонстрировала его родичам. В руки не дала – только что Харт брал кость из тарелки без помощи вилки, или даже салфетки, и пальцы с тех пор не вытер.

Сложила заново и убрала в карман при всеобщем молчании. Чинно сложила руки на коленях.

И пояснила, если кто не понял:

– Мне приказать могут.

– И скорее всего, прикажут. Весь участок этим делом занимается. Больше-то нечем. – радостно прокомментировал мелкий, но сник под уничтожающим взглядом маменьки.

– А тебе обязательно идти на такую опасную работу...именно теперь? Особенно теперь? – выделила она голосом последнее слово. Дважды.

Вдруг кто-то не догадался, что именно она имеет в виду.

Но таблетки я свои сегодня приняла, микстурой запила. Так что ответила вполне спокойно.

– Это моя профессия. Я закончила юридический не для того, чтобы осесть дома при малейшей травме. Тем более, как ты понимаешь, женихи мне нынче не светят. Могу пообещать, что не полезу в драку, если рядом будет кто-либо сильнее меня из коллег. Больше ничего обещать не могу.

Мама открыла было рот, но тут же закрыла его обратно. Наверное, увидела в моем лице юную себя, и поняла, что приказывать и орать бесполезно. Пока сама головой не побьюсь пару раз – до меня не дойдёт.

– Не ходи пока что на кладбище. Небезопасно там. – примиряюще попросил меня отец. Я нечленораздельно что-то промычала, делая вид, что исключительно

увлечена пережевыванием курицы.

Остаток вечера прошёл достаточно мирно. Маменька даже извинилась за свои непродуманные, оттого жестокие слова. Наверняка отец повлиял. Только его Мелати хоть изредка слушала, хоть и не всегда следовала его советам.

«Хорошо, что я ничего не успела пообещать», подумала я, вылезая проверенным путём из окна.

К ночи резко похолодало, так что толстая шерстяная кофта пришлась весьма кстати. Тренировочный костюм, мягко облегавший все мои выпуклости и впадины, странновато смотрелся в сочетании с крупной вязкой из толстой темно-розовой нити, но в темноте все кошки серы.

Даже некоторые рептилии.

До кладбища я добралась перебежками, замирая в тени кустов и сливаясь с заборами.

На улице никого.

В добропорядочном пригороде пригорода в такую поздноту все видят минимум третий сон.

Высокие металлические ворота тихо поскрипывали створками. Ветра не было, я насторожилась.

Кто-то недавно зашёл на территорию кладбища.

Замок отсутствовал, хотя по инструкции на ночь ворота должны запираться.

Я приоткрыла предательски скрипнувшую створку и проскользнула в образовавшуюся щель. Артефактные очки чуть слышно зажужжали, обеспечивая мне неплохое ночное зрение. Не ипостась, конечно, но на данном этапе сойдёт.

Перед отъездом из Лоусона, уже зная свой диагноз, я пробежалась по техническим лавкам и набрала всякого, что могло бы мне пригодиться.

Потратила большую часть своего пенсионного бонуса, но дело того стоило. Сейчас я вполне уверенно, не спотыкаясь, кралась мимо надгробий, выискивая признаки тепловых пятен.

Никого.

Странно.

Может, замок сняли заранее? У воров сообщник среди кладбищенских зрителей?

Обойдя все кладбище, я застыла около тех покосившихся надгробий, что увенчивали надкопанные могилы. Думаю, преступники сюда вернуться, раз недоделали начатое. Подожду где-нибудь в укрытие.

Совершенно логично, что при мысли об укрытии первым делом мне в голову пришла наша родная семейная усыпальница.

Дверь отозвалась на прикосновение, магический замок щелкнул, пропуская меня внутрь. Усыпальница наша сравнительно новая, лет пятьдесят как отстроенная заново, и напичкана новейшими артефактами, как на входе, так и внутри. Поэтому, переступив порог, я сразу пригнулась и проползла вперед. На уровне моей головы, или груди нормального человека, проходила связка двух артефактов, при пересечении которой зажигались разом четыре лампы по углам. Сейчас мне лишний свет без надобности, он потом полчаса минимум горит, спугнет всех преступников.

Дверь я прикрыла аккуратно и не до конца, чтобы не искать ручку в темноте, когда надо будет выбираться.

Нижняя часть витража сделана из обычного стекла, и почти не искажает видимость. Я приникла к одному из окон, которое открывало лучший вид на кладбище.

Какое-то время ничего не происходило. Я поплотнее завернулась в кофту и чуть не задремала, уткнувшись лбом в раму. Заметив краем глаза шевеление у надгробий, я стряхнула подкрадывающуюся дрему. Три силуэта на фоне

округлой, серебристой Ританы двигались медленно и осторожно, поминутно оглядываясь по сторонам.

– Никого. Можно начинать. – донёлся до фамильного склепа в в ночной тишине хрипловатый голос одного из воров. Лопаты глухо чавкнули, вгрызаясь в рыхлую землю.

Холодные руки сомкнулись на моей талии, притискивая к не менее ледяному телу. Не завизжала я чудом, не иначе. Отсутствие запаха раздражало, но по температуре держащих меня ладоней я поняла, что нападающий – вампир.

Умертвие уже попыталось бы мною пообедать. А этот ничего, только стискивает талию наглыми ручищами, которые вот-вот норовят поползти выше, на куда более интересные территории, да сопит на ухо. И, похоже, тоже пялится в окно вместе со мной.

Я замерла, раздумывая, что делать. Судя по звукам снаружи, кладоискатели докопались уже до гроба и теперь вскрывали крышку.

Это сообщник или кто-то посторонний?

Если сообщник, почему он в нашем склепе? По идее, на стреме удобнее стоять у ограды кладбища. Если же посторонний, что он вообще забыл здесь среди ночи? Любопытствующий вроде меня?

Кроме того, мне вроде бы не угрожают. Даже рот не зажал. И сидел все это время тихо, хотя мог меня выдать, или прикончить, уже раз десять.

Ну, пока не мешает, пусть сидит.

Глава 4

Вампир втягивал воздух у моей шеи, холодя кожу прохладным выдохом и шевеля выбившиеся из хвоста волоски. Холодные пальцы тихонько, будто рефлекторно, поглаживали живот и рёбра. Было щекотно и почему-то

волнительно. Вроде бы кладбище не самое подходящее место для романтических мыслей, да и ассоциации сочетание вампир-шея навевало скорее питательные, чем эротические, но между ногами все равно свело желанием.

Моя звериная часть уходила с трудом, тело не желало расставаться с привычными реакциями. Хоть и холоднокровный, все же я оборотень.

Была.

Сердце полоснуло привычной болью, приглушившей неуместное вожделение. Отрезвев, я от души пихнула наглого вампира локтем под дых, чего он практически не заметил, но лапы распускать перестал.

Эх, где мои оборотнические силы. Пусть я была не намного сильнее обычного человека до оборота, все равно, сейчас я ощущала себя вообще новорожденным головастиком.

Даже временами амебой.

Вот прямо сейчас мне очень хотелось растечься лужицей прямо там, в прохладной тишине нашего семейного склепа, откинуться назад и позволить слишком умелым рукам меня ласкать, где им вздумается.

Похоже, таблетки просрочены. Что-то меня заносит. Я потрясла головой, выбрасывая странные мысли, услышала тихий хруст и не менее тихие ругательства. Эдакий хрип на вдохе.

Кажется, я не рассчитала и врезала вампиру в лицо головой.

– Ой. – едва слышно пискнула я.

– Сиди и не шевелись. – прошипел пострадавший, кладя тяжелую руку мне на плечо.

Липкий, влажный ужас стек по позвоночнику. Там, где меня касался неизвестный вампир, все заледенело и покрылось, кажется, инеем. Тем, кто был снаружи, было еще веселее – лопаты полетели в разные стороны, и

незадачливые кладбищенские воры с дикими воплями побежали в разные стороны.

За моей спиной чертыхнулись низким, приятным голосом, и мимо пронеслась размытая тень. Брякнула дверь склепа. Защелку кровопийца даже не заметил.

Вампир, во второй ипостаси, по одному быстро отлавливал гробокопателей, и упаковывал их туда, откуда они сами бы не выбрались. В только что приоткрытые гробы.

Я-то логику понимала. Загнуть пару гвоздей – и задержанным не выбраться. Но самим пленённым это было неясно. Они только сознавали, что страшный вампир заколачивает их в гробы живьём, поэтому вой стоял на все кладбище.

– Чего стоишь? Помогай! – рявкнул Двуликий, пришепетывая от изменённой челюсти. Нечеловечески длинной, бледной рукой, торчавшей из надорванного рукава на добрые полметра, он поймал очередного вора за шиворот и точным броском зашвырнул в гроб. Внутри что-то хрустнуло, то ли прежнего жильца, то ли нового.

Поморщившись и приготовившись к вони, я потянула крышку наверх. Из гроба ударили ногами с недюжинной силой, я чуть не выпустила многоугольную деревяшку.

Вампир одним слитным движением оказался рядом, нахлобучил крышку, чуть не прищемив собственные свалявшиеся лохмы, и сноровисто загнул три гвоздя подряд. Изнутри заколотили кулаками и коленями, но бесполезно.

– Ты вроде зверем пахнешь. Чего дохлая такая? – отрывисто поинтересовался вампир, возвращаясь в человеческий вид. В прорези треснувшей рубашки просвечивала гладкая светлая кожа, лицо раздалось чуть в стороны, меня вытянутую ипостасную форму на широкую и скуластую. Глаза из чёрных стали то ли светло-серыми, то ли голубыми. При свете Ританы не разобрать.

Я как-то засмотрелась на трансформацию – не приходилось еще видеть Черных в деле так близко – и пропустила возмутительное замечание. А с опозданием в полминуты уже поздно и неловко объясняться. Поэтому я только неоднозначно дернула плечом и кивнула в сторону ограды.

– Там тележка есть, для перевозки тяжестей. Три гроба точно поместятся. Я тут покараулю.

И уселась на подрагивающий от ударов гроб, всем своим видом демонстрируя, что сдвинет меня отсюда только прямая угроза жизни.

Уж точно не пара-тройка кладбищенских копателей.

Вампир смерил меня скептическим взглядом, но за тележкой потрусил. Я получила возможность оценить работу спинных мышц, потому что рубашка прорвалась и на спине тоже, а вот ягодичные, увы, все еще скрывались под на удивление прочными штанами.

Жаль.

Пока мы погрузили гробы с задержанными на тележку, точнее, грузил в основном вампир, а я больше советы со стороны давала, занялся рассвет.

Ночи в Киттери по весне короткие, а летом вообще иногда не поймёшь, зашло солнце или уже всходит.

Не так, ой не так я себе представляла триумфальное возвращение в родной городок.

Мне рисовалось нечто возвышенно-романтичное. Я в кружевной пене, в головокружительно узком корсете, вся обвешанная дорогущими артефактами, замаскированными под не менее дорожные ювелирные украшения, рядом, под ручку, статный мужчина в костюме, при галстукe, весь такой лоснящийся щеголь.

Уж точно не так, как в итоге предстала перед ранними посетителями кофейни и любителями прогулок по утрам.

В спортивном костюме, только час назад еще розовой, а ныне серо-бурой кофте с вытянутыми локтями, на пару с не менее угаженным вампиром в разорванной одежде, да еще и впрягшись в кладбищенскую телегу, на которой выли и голосили на разные голоса три наспех заколоченных гроба.

Но не спорю, мое появление точно запомнится местным кумушкам надолго.

Дорога до полицейского участка тянулась нескончаемо долго. Я успела несколько сотен раз проклясть собственное благородство, не позволившее оставить вампира наедине с тяжелой повозкой, саму повозку, в которой колёса расшатались уже до неприличия, зрителей кладбища, не следящими за инвентарем, тупых гробокопателей, имевших глупость нам попасться, но в первую очередь, понятное дело, долбаного артефактора, из-за которого я вообще вынуждена была вернуться в родной городок.

Хорошо, что я не ведьма, и мои проклятия истинной силы не имеют. Отдачей бы меня доконало.

Наконец, показалось знакомое с детства, выкрашенное в жизнерадостный небесно-синий здание.

Я с облегчением бросила мою сторону оглоблей, вампир прикрикнул и отпустил свою. Все же без трансформации наши силы ограничены, и если в ипостаси он голыми пальцами загибал гвозди, то в приличном виде был лишь чуть сильнее и быстрее меня, безипостасной.

– Ну, дальше вы сами. – решительно заявила я, быстро скрываясь за углом. Кажется, запыхавшийся вампир меня окликнул, но это невнятное «Девушка, подождите!» могло относиться к любой из зевак женского пола. Имени-то я своего не сообщила.

Пусть сам сдаёт добычу в полицию, мне такая слава ни к чему.

Самое главное – первое впечатление, как говорила прабабушка.

И предстать перед новым начальством грязной и оборванной, в обнимку с гробами, не очень-то хотелось.

Вот приведу себя в порядок, официально вступлю в должность, потом, может, и доложу по всей форме. Если спросят.

Через час я легкой, освеженной в ванной, пушинкой взлетела на крыльцо участка, искренне надеясь больше с тем вампиром не встретаться никогда.

Мне хватило стресса от экстренного взлетания по дереву к себе, в комнату. Я едва успела запереться в ванной, как ко мне вломился мелкий с воплем:

– Кахайя! Мама говорит, иди завтракать, а то на работу опоздаешь!

– Иду! – рывкнула я, стягивая с себя грязный, пропотевший костюм и скатывая его в неопределимый ком. Закину под кровать, вечером постираю. Кофту, увы, оставалось только выбросить. Незаметно, чтобы маменька не видела. Нежная розовая шерсть не была рассчитана на кладбищенские посиделки.

Завтрак я закидывала в себя практически на ходу. Более важным мне показалось отмыться от стойкого аромата прелой земли, но учуяв хрустящие вафли, политые кленовым сиропом, я пожалела о своей чистоплотности. Маменька расстаралась вовсю. И сидела, молча смотрела с умилением, как я уминаю приготовленный ею завтрак, даже ни одного комментария по поводу меня или работы не выдала.

– Доченька, будь осторожна. – тихо попросила она напоследок. Я вздрогнула, и на всякий случай покрепче ее обняла, будто не на работу в соседний район шла, а на войну, как минимум.

Что-то не нравится мне настроение семейки. Что у нас такое опасное в захолустье творится? Если самое страшное – те идиоты, что мы с вампиром на пару отловили, то мои родичи откровенные паникеры.

Новая, хрустящая униформа плотно облегла, не мешая, тем не менее, движениям. Широкий пояс низко сидел на бёдрах, побрякивая на каждом шаге креплениями. Часть уже была занята артефактами, вроде очков ночного видения, другие предназначались для служебных, которые мне как раз сегодня должны выдать.

Все здание полиции умещалось на двух этажах небольшого коттеджа в самом центре посёлка. Раньше здесь был приемный медицинский пункт, но с ростом населения под больницу отвели здание побольше, а здесь устроили отделение полиции. Сен-Риверское перестало справляться с ростом ограблений и грабежей

в нашей тихой провинции.

Громкий, хорошо поставленный и подозрительно знакомый голос было слышно с самого крыльца. Слов не разобрать, но интонация говорила сама за себя – начальство распекало нерадивых сотрудников.

На дежурном посту никого, значит, весь состав принимает головомойку. Я тихо, следуя на звук, пробралась по коридору в самый конец. Дверь была прикрыта неплотно, я просочилась и прислонилась к стене у самого входа.

Глава 5

Первым, кого я заметила, был, понятное дело, мой будущий босс. Аккуратно собранные светлые волосы, широкие плечи, обтянутые дорогим, идеально сидящим костюмом из нежно-серой ткани, мускулистые руки сложены на груди и недовольно постукивают указательным пальцем, отмечая особо важные части гневной речи.

В общем, если бы не характерный нос и аура, которая нет-нет, да и пробивалась через его самоконтроль, я бы и не опознала в мистере Коулмане, под началом которого с этого дня буду служить, давешнего вампира с кладбища.

Фамилию я вычитала в собственном рекомендательном письме, которое в данный момент прожигало мне правый карман.

Вот и произвела благоприятное впечатление.

Врезала боссу в нос, отправила за тележкой, а потом бросила посреди улицы, не разгрузив задержанных.

А буду ли я теперь вообще здесь работать?

Мистер К.Коулман меня пока что не заметил, и привлекать его внимания я не собиралась, поэтому слилась со стеной и притворилась декорацией.

Дальний мой родственник, Пурнам Эукари, которого я для простоты звала кузеном, сурово зыкнул на меня из противоположного угла. Место, как всегда,

он выбрал самое выигрышное. Поодаль от первых рядов, которым обычно достаётся больше всего начальственного гнева просто за то, что под руку попались, чуть в стороне, у окна, так что смотреть на него приходится против света – вампир в такие места подсознательно меньше поглядывает.

Народу в участке работало немного, это я знала и раньше. Но чтобы на планерке сидело всего пятеро, не считая начальника? Может, остальные на заданиях?

Выволочка состава, тем временем, набирала обороты.

– Я за одно ночное дежурство сделал больше, чем весь участок за месяц расследования! – Коулман обвёл немногочисленных собравшихся суровым взглядом. – Почему вы до сих пор не установили постоянную засаду на кладбище?

– Мы устраивали. И ловили, что характерно. Потом долго никто не приходил, мы и переставали дежурить. Других дел, что ли, нет. Сами знаете. – пробубнил рослый, растрёпанный оборотень из угла. Волк, похоже. Кошки обычно менее взъерошенные, не говоря уже о рептилиях.

– А мысль свериться с лунным календарём вас не посещала?

– Женским, что ли? – буркнул непредусмотрительно сидевший прямо напротив начальственного стола человек, весь обвешанный артефактами. Пронзительный взгляд босса обратился на слишком громко подумавшего вслух мага.

– Вам бы все о чем женском подумать, Роули. – издевательски отметил вампир, и остальные дружно захмыкали, одобряя юмор начальства. На мой взгляд, получилось не слишком смешно, поэтому я присоединяться не стала. Маг был довольно тщедушный, грозди артефактов на нем болтались, как на вешалке. Вряд ли на такого женщины вешаются пачками. А издеваться над слабым – не самое лучшее времяпрепровождение.

– И что они искали? – перевела я фокус внимания с мага на себя, заслужив его короткий благодарный взгляд.

Зря я это, кажется, сделала.

Вот собиралась же не высовываться.

По кабинету потянуло знакомой силой. Влажный лесной мох, чужой взгляд из-за дерева, неожиданный крик совы. Я вздрогнула и поежилась. Взгляд начальника участка переместился на меня, да там и остался. Краем глаза отметила, как опускали головы оборотни, признавая главенство вампира, как белели в панике люди, а я просто тупо стояла и пялилась на идеальную линию бровей моего нового босса.

Наконец, Коулман опомнился и убрал давление.

– Все свободны. Прошу прощения. – сухо извинился он. – Завтра в это же время жду список, какие именно ценности изъяты у нынешних копателей, и чтобы был составлен план действий по поимке следующих! Желательно с перечнем возможных заказчиков.

Начальник участка строго обвёл взглядом подчиненных, которые судорожно кивали и клялись-божились вполголоса, что непременно исправятся.

– А мы с мисс Эукари... немного побеседуем. – добавил Коулман, остановив немигающие, как у змеи, глаза на мне.

Будущие коллеги по очереди бросали на меня сочувствующие взгляды и скрывались по ту сторону дверей с такой скоростью, будто если они задержатся, ими здесь и пообедают.

Дождавшись, когда хлопнет дверь, отсекая кабинет от остального участка, я шагнула вперед, положила чуть помятое рекомендательное письмо на стол, и вытянулась во фронт, щёлкнув каблуками.

– Значит, Эукари. Отцы основатели, и все такое. Какая честь для нашего скромного участка. – с издевкой процедил вампир. На его столе я заметила знакомый бланк – моя рекомендация и направление на продолжение службы. Их всегда дублируют, во избежание подлога.

Изучил уже мое дело, значит. Подготовился.

Я едва заметно пожала плечами. Кто виноват, что именно мои предки в своё время облюбовали эту богами забытую трясину и основали здесь город? Точно не я. Мне от их величия достался только гонор, да ипостась.

И то, второй уже нет.

– Наша ветвь не правящая. – на всякий случай пояснила я. Чтобы не думал, что я посягаю на его территорию.

Ох уж это извечное выяснение границ и дележка участков влияния между вампирами и оборотнями. Мэр нашего города – мой троюродный дедушка, но в участке – начальник царь и бог. А значит, Коулман не потерпит ни малейшего намека на посягательство на свой авторитет.

Плохо, очень плохо. То, что я не задрожала в ужасе в ответ на его ауру – прямой вызов его извращённой вампирской чести. Надо было хоть притвориться, что ли. Кто же знал, что ночной кладбищенский маньяк, наш сосед через дорогу, и мой будущий начальник – одно и то же лицо?

Коулман выпрямился и оказалось, что он выше меня чуть ли не в два раза. Чтобы продолжать смотреть ему в лицо, мне пришлось бы неловко запрокидывать голову, так что я предпочла уставиться на стену напротив.

Как говорил наш инструктор по строевой подготовке, главное – держать спину и есть глазами. Все равно, что, главное, чтобы подбородок вперед и грудь колесом.

Ну, грудь у меня и так приличная, двумя, можно сказать, колёсами, так что оставалось тянуть макушку к потолку и изучать мельчайшие огрехи штукатурной отделки.

Вампир обошёл меня по кругу раз, потом еще раз. Проверяет выдержку или ждет, что я за ним крутиться буду? Так он не враг, чтоб его из поля зрения не выпускать.

Тем более в моем нынешнем состоянии я ему точно не соперница.

Коулман тем временем замер за моей спиной, и уже привычно втянул мой запах у самых волос.

– И что вы делали на кладбище, не правящая Эукари? – выдохнул вампир мне в шею.

Шёпот снова всколыхнул успокоившиеся было волоски и нервы. Мне кажется, или губы Коулмана коснулись моего уха? Со всеми этими перепадами настроения и чувствительности я иногда терялась в ощущениях. Это мое тяжёлое дыхание слышно на весь кабинет? Коулман вроде не питался, ему пыхтеть не с чего.

– Гуляла? – помимо воли интонация сорвалась в вопросную. Объяснение, конечно, не хуже других, но ночью и на кладбище...могла бы и что получше придумать. Коулман хмыкнул, но из-за моей спины не вышел.

Я нервничала все больше.

– Как интересно. – пробормотал вампир, проводя кончиком носа по моим волосам.

Это меня сейчас что, обнюхали?

Уже привычным жестом, на рефлексах, я зарядила начальнику в солнечное сплетение. Коулман хмыкнул, и отстранился.

Иллюзий я не питала. Он отпустил меня, потому что сам так решил, а не потому, что я такая грозная и сильная. Но то, что он уважает – в какой-то степени – чужие границы, радовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mur_anita/tayny-provincii-kitteri

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)